

Истрати, Роллан, Горький: новые факты советско-французских литературных взаимодействий 1920–1930-х гг.

© 2024, М.А. Ариас-Вихиль

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393>).

Аннотация: В статье анализируется «случай Истрати», ярко показавший силовые линии советско-французских литературных взаимодействий в 1920–1930 гг. На основе малоизвестных и неопубликованных материалов личных архивов писателей исследуется переломный момент в эволюции социально-политических взглядов Роллана и Горького: в 1927–1928 гг. от критики внутренней политики советского руководства оба они уверенно переходят к сотрудничеству со сталинским режимом. Роллан размежевывается с писателями русской эмиграции и посылает поздравление советскому народу с 10-летием Октября, Горький едет в СССР после семилетнего отсутствия. П. Истрати приехал в СССР на празднование 10-летия Октября и был полон решимости остаться в стране «красных бойцов» навсегда, как об этом свидетельствует его письмо Горькому. Однако пробыв в СССР более года и окунувшись в повседневную жизнь советских людей, сотрясаемую социальными и личными драмами, вызванными произволом властей, на фоне массовых репрессий и отсутствия какой бы то ни было свободы, Истрати утратил веру в возможность построения «нового общества». В истории взаимодействия Истрати с его литературными кумирами Ролланом и Горьким проявились новые тенденции, определяющие их социальное поведение: Горький из автора «Коновалова» (1897) превратился в «сладкого панегериста», в «пашу из Сорренто». Роллан готов закрыть глаза на любые злоупотребления советских властей ради «защиты СССР». «Несвоевременное» решение опубликовать книгу «К другому пламени» (1929) о своих впечатлениях от пребывания в СССР стоило Истрати дружбы Роллана и признания писателей-социалистов из его окружения.

Ключевые слова: Истрати, Роллан, Горький, В. Серж, Б. Суварин, советско-французские литературные связи 1920–1930-х гг., «К другому пламени» (1929), «Московский дневник» (1935), путешествие в СССР.

Информация об авторе: Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

Для цитирования: *Ариас-Вихиль М.А.* Истрати, Роллан, Горький: новые факты советско-французских литературных взаимодействий 1920–1930-х гг. // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 308–332. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-308-332>

Писатель левых взглядов греко-румынского происхождения Панаит Истрати (1884–1935) был очень популярен в 1920–1930 гг. в Европе и СССР, его книги активно переводились и экранизировались. Сын прачки и контрабандиста, Истрати с четырнадцати лет бродяжничал, переменял множество профессий. Имея 4 класса школьного образования, Истрати, как в свое время Горький, всему учился из книг. Чтобы получить доступ к большой литературе, он начал изучать французский язык в санатории «Сильвана» в Лозанне в 1916 г., где он лечился от туберкулеза за счет средств американского Красного креста. Французских классиков Истрати читал в подлиннике, считая Францию своей литературной родиной. Его дебют как писателя, пишущего на французском языке, состоялся благодаря Р. Роллану, с которым он поддерживал переписку с 1921 г. и который написал предисловие к его первой книге «Кира Киралина» (1924). Эта публикация принесла Истрати всеевропейскую известность. Несмотря на разницу в социальном происхождении, дружба, политические симпатии и интерес к происходящему в СССР объединили двух писателей. В 2019 г. в издательстве «Галлимар» была опубликована наиболее полная переписка Истрати с Ролланом (187 писем Истрати и 102 письма Роллана), из которой мы видим, как развивались отношения между писателями, как необходим был этот диалог каждому из них [21]. На заре своей юности в момент духовного кризиса Роллан так же написал Льву Толстому и получил от него, к своему удивлению, очень обстоятельный ответ, который во многом определил его выбор жизненного пути и его мировоззрение. В случае с Истрати

Роллан, в свою очередь, выступил в роли наставника и друга (считая себя духовным сыном Роллана, Истрати часто подписывал письма «votre fils Istrati»). Роллан открыл Истрати самого себя, благодаря общению с Ролланом Истрати поверил в свой талант, в свои силы и решил жить для того, чтобы стать писателем. По свидетельству его друга Б. Суварина, «Истрати буквально поклонялся Р. Роллану, говоря: “Я — его творение”. Он был всем обязан Роллану, и со своей обычной искренностью открыто это признавал» [17, с. 209].

Драматическая история их знакомства началась с писем: узнав о приезде Роллана в Женеву в августе 1919 г., Истрати написал ему в момент жесточайшей депрессии. В своем письме Истрати назвал себя умирающим, но не по причине смертельной болезни, а из-за пошатнувшейся веры в жизнь. Это первое письмо, датированное 20 августа 1919 г., Роллан, покинувший отель до получения почты, прочитал лишь спустя два года. За месяц до этого Истрати вошел в состав редколлегии пацифистской газеты *La Feuille*, издававшейся в Женеве политическим активистом Жаном Дебри, и опубликовал там свои первые статьи на французском языке «Толстовство или большевизм?», «Открытое письмо рабочего Анри Барбюсу» и др. В Женеве Истрати присутствовал на лекции П.И. Бирюкова (1860–1931), старого друга и биографа Толстого. Как мы видим, Истрати оказался в кругу журналистов-пацифистов левых взглядов, близких к Роллану. Проблематика статей Истрати находилась в русле вопросов, волновавших Роллана, автора жизнеописания Толстого. Роллан был хорошо знаком с русскими толстовцами Бирюковым и Рубакиным, жившими в Швейцарии, и вел полемику с Барбюсом по вопросу о границах и допустимости революционного насилия. После пятилетнего пребывания в Швейцарии Истрати приехал в Париж в апреле 1920 г., но через несколько месяцев вынужден был уехать в Ниццу из-за отсутствия средств к существованию и прогрессирующей болезни, усугублявшей его моральные страдания. 1 января 1921 г. он написал Роллану еще одно письмо, которое так и не отправил. Лишь 25 октября 1922 г., во время первой встречи с Ролланом, он передал ему этот текст под названием «Последние слова»: «Сегодня начинается 1921 год, но для других. Для меня это начало конца... Нужно ли объяснять, почему мы решаем покинуть этот мир? Нет, мы можем уйти молча, и это, я считаю, будет лучшим доказательством искренности. <...> Тщета и продажность! Где ты, Идеал любви, самоотверженности и самопожертвования, о котором я так мечтал? Бурный океан эгоизма и пошлости, с немногими маяками, затерянными на крохотных островах, среди бушующих

волн глупости и темной несознательности, которой свет только мешает, — вот каким кажется мне мир!»¹ [21, р. 31]². 3 января 1921 г. в Ницце, в сквере Альберта I, Истрати предпринял попытку самоубийства, о чем сообщила местная пресса. Его удалось спасти, а его бумаги и письма были переданы его друзьям-журналистам. В марте 1921 г. друг Роллана пацифист Фернан Депре, многолетний сотрудник газеты *L'Humanité*, переслал Роллану первое адресованное ему письмо Истрати, сопроводив его подробным изложением трагических событий:

Я мало что знаю об Истрати. Я думаю, он румын. О его пребывании в Женеве я знаю только то, что он говорит в своих письмах. Он страдал от бедности и еще больше от морального одиночества. Драма в Ницце стала кульминацией ряда неудач и бесполезных усилий. Он чудом выжил (за неимением огнестрельного оружия воспользовался ножом или бритвой, точно не знаю). Он работает фотографом, что не обеспечивает его существования. Он хотел бы приехать в Париж, но боится испытать там новые страдания и столкнуться с непреодолимыми трудностями. <...> Я уверен, что, хоть он и болен, Истрати сможет жить. <...> Думаю, что, если бы он описал свою жизнь, полную борьбы и скитаний, страсти и отчаяния, он создал бы одно из самых острых и мрачных произведений во всей литературе. Если бы Мартине³ публиковал его рассказы каждые шесть или двенадцать дней, это помогло бы ему выжить и дало бы ему немного свободного времени для писания. <...> Я верю, что мы могли бы помочь ему вернуть вкус к жизни и восстановить силы. Ваш ответ будет исполнением его самых заветных желаний [21, р. 45].

В следующем письме Депре дает «поверженному гению» легендарную характеристику, подхваченную затем Ролланом, сравнив его с Горьким:

¹ Здесь и далее все французские источники цитируются в переводе автора статьи.

² Нумерация страниц соответствует электронной версии книги.

³ Марсель Мартине (1887–1944) — французский поэт, драматург, прозаик, социалистический активист (сотрудник левых газет *L'Effort libre* Ж.-П. Блока, *La Vie Ouvrière* П. Монатта и А. Росмера), коммунист (в оппозиции с 1924 г.), теоретик пролетарской литературы, участник пацифистского движения. Вместе с Фернаном Депре издавал журнал *La Plebe* (апрель–май 1918, 4 номера). Друг Роллана (написал о нем очерк «Избранные страницы», 1921). Руководил литературным отделом газеты *L'Humanité*.

В бумагах Истрати я нашел некоторые подробности, которые не смог сообщить Вам во вчерашнем письме. <...> Его состояние первоначально считалось безнадежным. Его лечили в больнице Сен-Рок. Один из его друзей через несколько дней написал в редакцию *L'Humanité*. Письмо долгое время оставалось без ответа. Мне его передали в конце января. Я написал ему. Выживший ответил мне. Прежде чем принять трагическое решение, Истрати написал «Открытое письмо» в *L'Humanité*, которое было найдено среди его бумаг. Он писал, что «бедность никогда его не пугала, потому что она была спутником всей его жизни». Но «бесчеловечные лишения» последнего времени, «бесплодное прозябание» серьезно подорвали его здоровье, не говоря уже о «зверских унижениях, сделавших его ненавистным в собственных глазах». «Я молчал двадцать лет, — писал он, — чтобы воспитать в себе существенные качества, проверенные и полезные для дела, но полное отсутствие гибкости и приспособленности к событиям, а также авантюрная жизнь и слишком большая любовь к свободе и независимости привели к полному провалу». <...> «Невольное одиночество и изоляция» для него тягостнее смерти. <...> Этот Истрати — безусловно, человек, глубоко чувствующий. В письме, которое он прислал мне и которое я передал нашему другу Мартине, обнаруживается сила мысли и бунт, заставляющие вспомнить Горького. <...> Как было бы радостно, если бы у этого человека оказались задатки Горького! Он еще молод. Жан-Жак <Руссо> начал позже... Даже если бы он написал всего одну книгу: историю своей жизни, — он создал бы произведение, которое не могло бы остаться незамеченным. Такая книга, полная страданий и жестоких наблюдений, обнажила бы неожиданные и малоизвестные уголки общества. <...> Я не знаю, понимает ли Мартине всю ценность Истрати. <...> Имея в своем распоряжении литературную трибуну, наш друг может принести много пользы этому румынскому Горькому [21, p. 48–49].

После выписки из больницы Панаит Истрати наконец получил первое письмо от Роллана (от 15 марта 1921 г.), запоздалый ответ на его письмо двухлетней давности. В нем Роллан приводил доводы в пользу жизни ради творчества, став очень важным собеседником Истрати:

Мы должны научиться видеть выше, дальше человечества. Победа или поражение, мы знаем, что однажды человечество погибнет. И что такое победа часа перед зияющей необъятностью смерти? <...>

Каков бы ни был исход человеческой борьбы, нет поражения для духа, почувствовавшего — хотя бы на одно мгновение — прикосновение к вечному. Не поддавайтесь больше отчаянию. Вы не должны уйти из жизни, прежде чем не исчерпаете всех попыток воплотить в произведениях, которые переживут Вас, мечты, исчезнувшие жизни, страсти, хозяином которых вы были! Смелее! [21, р. 51].

Воскресая к жизни, Истрати просит Роллана не тратить своего драгоценного времени на письма к нему: «Теперь я спокоен. Отныне я не буду одинок» [21, р. 56]. Но переписка продолжилась, Роллан высоко оценил личность и талант Истрати, который «нашел себя» в книгах Роллана. В одном из писем Истрати рассказывает, как его знакомый по санаторию предложил ему прочитать «Жана-Кристофа» и три «Жизни»⁴ Роллана со словами: «В этих книгах Вы найдете себя». И Истрати приступил к чтению, «прячась между машин гаража “Пежо” в Женеве» [21, р. 59], где он работал разнорабочим. Он мечтал приобщиться к высотам духовной жизни: «Единственное наслаждение: *найти великие души и полюбить их*» [21, р. 59]. В числе «великих душ», «бескорыстных и благородных», Истрати называет не только Роллана, автора «Героических жизней», но и своих товарищей, встреченных им в скитаниях, «менее одаренных или вовсе не одаренных, но из того же высшего материала» [21, р. 60]. Такой «великой душой» стал для него Михаил⁵, русский, оказавший на него большое влияние (о нем Истрати рассказал в своей повести «Михаил»). Огромное впечатление на Истрати произвел роман Толстого «Воскресение» и рассказ Горького «Коновалов». Именно с горьковским бродягой-философом ассоциирует себя Истрати. Обо всем этом он пишет Роллану в «Последних словах», воссоздавая свою духовную биографию накануне попытки самоубийства. Роллан так же, как и Истрати, был «убежден в существовании братства между людьми всех классов, всех культур (или некультур), — знают они об этом или нет» [21, р. 63]: «Напишите мне свои мысли и воспоминания о своей жизни. Читаю Вас с глубоким сочувствием. И я уверен, что это сочувствие разделят и многие другие, когда ваши опубликованные сочинения сделают вас известным» [21, р. 64].

⁴ «Героические жизни»: «Жизнь Бетховена» (1903), «Жизнь Микеланджело» (1907), «Жизнь Толстого» (1911).

⁵ О Михаиле Михайловиче Казанском (?–1909) известно только то, что пишет Истрати в своих рассказах и повестях, делая его одним из своих любимых героев (*Mikhail, Le Bureau de placement, La Maison Thüringer, Méditerranée (Coucher du soleil)*). См.: [24].

23–30 октября 1921 г. Истрати посетил Роллана на его вилле Ольга в Вильнёве в Швейцарии. Личное знакомство не разочаровало, а лишь укрепило их взаимопонимание, хотя оба опасались обратного. Роллан познакомил Истрати со своей семьей: отцом и сестрой. Речь шла об издании будущих книг Истрати, предварительное согласие издателя было получено Ролланом. Зашла речь и о Горьком. Роллан считал, что написанное Истрати достойно лучших страниц Горького. В своем неизданном до сих пор дневнике Роллан записал после ухода Истрати: «Он пишет по-французски как гениальный варвар. Было бы катастрофой для искусства, если бы этот внутренний мир исчез, не успев проявить себя. А с таким вулканическим человеком можно опасаться внезапного исчезновения в любой момент. — Если он проживет 5 лет с такой же интенсивностью, я отвечаю, что он прославится раньше, чем через 10 лет, на всю Европу»⁶. Роллан просил Истрати не обращать внимания на орфографию и синтаксис, а писать со свойственной ему непосредственностью. Истрати подробно описал свои встречи с Ролланом в письмах к друзьям.

В последующие несколько лет издательство «Ридер» опубликовало при содействии Роллана целый ряд книг Истрати, которые принесли ему европейскую славу: «Кира Киралина» (1924, с предисловием Роллана), «Дядя Ангел» (1924), «Гайдуки» (1925–1926), «Кодин» (1926), «Михаил» (1927) и др. Они составили цикл повестей под общим названием «Истории Адриана Зограффи» («Детство Адриана Зограффи», «Любовь Адриана Зограффи», «Жизнь Адриана Зограффи»), работу над которым Истрати продолжал до самой смерти в 1935 г. В 1927 г. издательство «Галлимар» опубликовало его повесть «Семья Перлмуттер», написанную в соавторстве с писателем Жозуэ Джехуда, тем самым давним знакомым по швейцарскому санаторию, который открыл ему творчество Роллана и стал его другом и первым преподавателем французского языка.

Этот плодотворный этап в творчестве Истрати описан Ролланом в его дневнике: «23–24 апреля [1926 г.]. Посещение Панаита Истрати. — Он приехал в Женеву, чтобы прочитать лекцию, организованную Жозуэ Джехудой. Она имела большой успех <...> он вошел в моду, гайдук салонов; этакий Жан-Жак *redivivus*: модно аплодировать его островам, его забавным парадоксам. И потом этот дьявол излучает свой пыл на аудиторию; он смеется им в лицо; ему удалось растопить сердца замороженных женевских буржуа. Нас поражает сочувствие, с которым говорит о нем вся женевская

⁶ Bibliothèque nationale de France (далее в тексте: BNF). Fonds R. Rolland. NAF 26560. P. 73–74.

пресса. — У нас он все тот же ласковый мальчик <...> свободный, искренний, полный энтузиазма, он прекрасно научился вести свой бизнес. Если издатели сначала им пользовались, то теперь он их обманывает. — Еще он клянется, что через 5–6 лет, когда закончит серию романов, он снова отправится по дорогам мира. — Но у него больше нет Михаила, друга его странствий» (BNF. Fonds R. Rolland. NAF 26560. P. 77–79) [21, p. 90].

Роллан рекомендовал Истрати Горькому для сотрудничества в журнале «Беседа». В СССР в 1920-е гг. переводятся (порой неоднократно) почти все его произведения: «Кира Киралина» (М.: Л.: Книга, 1925; Л.: Время, 1925; М.: Л.: ГИЗ, 1926), «Дядя Ангел» (Л.: Время, 1925; Л.: Сеятель, 1926), «Дочь полей» (Л.: Прибой, 1926), «Неррантсула» (М.: Круг, 1927; Л.: Время, 1927), «Мои скитания» (М.: Круг, 1927), «Кодин» (Л.: Прибой, 1927; Харьков: Пролетарий, 1927), «Семья Перльмутер» (М.: Л.: ОГИЗ, 1927), «Домница из Снагова» (М.: Московский рабочий, 1928), «Репейники Барагана» (М.: Л.: ГИХЛ, 1929). Как мы видим, некоторые его книги выдержали несколько изданий и были популярны в СССР. Однако самой шумевшей книгой стали его впечатления от поездки в СССР «К другому пламени: После шестнадцати месяцев в СССР. Исповедь для побежденных» (вошедшие в трилогию, написанную в соавторстве с В. Сержем и Б. Сувариным). Эта книга никогда не издавалась в России, вплоть до 2023 г., однако именно она имела огромный общественный резонанс в СССР и на Западе, предвосхитив критику советского эксперимента в «Возвращении из СССР» (1936) А. Жида, в «Слепящей тьме» (1941) А. Кестлера и др. Издательство «Нестор-История» выпустило первый том трилогии, в котором Истрати подвел итог своему пребыванию в СССР [8].

Через советского посла в Париже Христиана Раковского Роллан, Истрати и Поль Ланжевен получили приглашение ВОКС приехать в Москву на празднование 10-летия Октябрьской революции. Роллан отклонил приглашение, но послал свое знаменитое поздравление советскому народу, напечатанное в газете «Вечерняя Москва», которое послужило поводом к окончательному размежеванию Роллана с писателями русской эмиграции [5]. Истрати в сопровождении Раковского осенью 1927 г. прибыл в СССР, где в общей сложности провел 16 месяцев (не считая времени его поездки в Грецию в этот период). Его романом «Михаил» открылся в январе 1928 г. новый советский журнал «Вестник иностранной литературы», а в марте на обложке его же 3-го номера рекламировался рассказ «Гайдуки». В том же году «Михаил» вышел отдельным изданием (М.: Л.: ГИХЛ, 1928).

Критика в высшей степени благосклонно принимала творчество Истрати [1]. Он был приглашен на Одесскую кинофабрику Всеукраинского фотокиноуправления, где по его сценарию режиссер Борис Глаголин (Гусев) снял немой фильм «Кира Киралина» (премьера состоялась 20 апреля 1928 г. в Киеве и 5 мая 1929 г. в Москве). По предложению ВУФКУ, второй по мощности государственной кинофирмы в СССР после «Совкино», Истрати приступил к написанию сценария к кинофильму «Бандиты» по повести «Гайдуки» (в трактовке Истрати, во времена турецкой и греческой оккупаций гайдуками в Румынии называли молодых людей, восставших против угнетателей), но проект остался незавершенным.

Находясь в Крыму, Истрати узнал о готовящемся приезде Горького в СССР после семилетнего отсутствия писателя на родине. Полный энтузиазма, Истрати написал ему письмо. Оно до сих пор не было известно исследователям и публикуется впервые, являясь важным свидетельством духовной эволюции Истрати, приехавшего в СССР, чтобы поближе узнать страну «победившего пролетариата», и решившего остаться в ней навсегда для участия в строительстве нового мира. При публикации сохранены особенности орфографии Истрати.

Yalta-Krim, le 29 mars 1928

Adresse: Kino-Fabrica

Mon cher Maxime Gorki,

Si je ne vous ai pas écrit jusqu'à ce jour, et si je ne suis pas venu vous voir à Sorente, ce n'est pas l'envie qui m'a manqué, croyez-moi. J'aurais pu oser de telles actions, avant même d'être devenu un écrivain et avant que notre ami Romain Rolland m'eut comblé de bonheur en me surnommant "Un Gorki balkanique"⁷, car, vous ne le savais pas, je suis un de ceux qui, en janvier 1905, sont descendus dans la rue, à Bucarest, pour unir leurs voix aux protestations universelles contre les massacres tsaristes et pour demander votre libération.

Mais, je n'aime pas les manifestations incolores. J'aime la chose qui arrive du tac au tac. Pour cela, je sais attendre. Est-ce que j'ai perdu à attendre l'irruption de Romain Rolland dans ma vie? Et ma joie ne sera-t-elle pas bien plus grande, alors que me trouvant en Crimée, vous y serez aussi bientôt?

Et cependant, pas plus que vous, je n'ai organisé cette rencontre. Je suis en Crimée, je serai pour toujours dans l'U.R.S.S., parce que

⁷ См.: [21].

l'Occident me tuait avec sa banalité, son arrivisme, son manque d'idéal, sa lâcheté. Dorénavant, notre patrie rouge, — qui est celle de tous les révolutionnaires du monde, — sera la mienne.

Mais, si l'Occident agonise pitoyablement et si des combattants rouges viennent ici chercher des forces nouvelles? Il n'est pas moins vrai que tant d'amis sincères habitent cet Occident auquel nous livrons bataille, tant d'hommes de coeur luttent vaillamment aux cotés du prolétariat occidental. Et c'est pour les aider dans leur combat, pour les renseigner, leur fournir des témoignages vivants, que je suis venu me jeter dans ce tourbillon de vie nouvelle qu'est l'Union soviétique.

Aussi, en apprenant votre arrivée prochaine sur la terre qui vous reniait jusque il y a dix ans, — comme je suis renié, à mon tour, aujourd'hui par mes deux "patries" la Roumanie et la Grèce, comme je le serai peut-être demain par ma patrie littéraire, la France capitaliste *réactionnaire bourgeoise*, la France des emprunts homicides, — je vous salue ici, Maxime Gorki, pour la première fois depuis que nos deux destinées nous unissent publiquement dans la même lutte pour une humanité meilleure et je vous souhaite longue vie et bonne santé.

Votre Panaït Istrati.

P.S. Si vous me répondez, veuillez le faire en russe. Je commence à apprendre votre langue et je tâcherai de vous lire en original. Je sais déjà demander: хлеб, чай, масло.

Venez-vous directement en Crimée, ou d'abord à Moscou? Et à quelle date, à peu près?⁸

[перевод:]

Ялта-Крым, 29 марта 1928 г.

Адрес: Кино-Фабрика

Дорогой мой Максим Горький,

Если я не писал вам до сегодняшнего дня и если не приехал навестить вас в Сорренто, то причина совсем не в отсутствии желания, поверьте мне. Я мог бы отважиться на такие поступки еще до того, как стал писателем, и до того, как наш друг Ромен Роллан осчастливил меня, назвав «Балканским Горьким», потому что, хотя вы этого не знали, я из тех, кто в январе 1905 года вышел на улицы Бухареста, чтобы присоединить свои голоса ко всеобщим протестам против массовых убийств царизма и потребовать вашего освобождения.

Но я не люблю бесцветных поступков. Я люблю отвечать действием на действие. Для этого я умею ждать. Проиграл ли я, ожидая,

⁸ ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. КГ-инФ 3-41-1.

когда Ромен Роллан ворвется в мою жизнь? И не будет ли моя радость еще большей, если я нахожусь в Крыму и Вы скоро приедете сюда?

И все же не я и, тем более, не вы организовали эту встречу. Я в Крыму, я навсегда останусь в СССР, потому что Запад убивал меня своей пошлостью, карьеризмом, отсутствием идеалов, трусостью. Отныне наша красная родина — родина всех революционеров мира — будет моей.

Ведь пока Запад агонизирует, красные бойцы приходят сюда в поисках новых сил? Не менее верно и то, что на Западе, с которым мы вступили в схватку, живет много искренних друзей, много людей сердца доблестно сражается бок о бок с западным пролетариатом. И чтобы помочь им в их борьбе, информировать их, предоставить им живые свидетельства, я бросился в вихрь новой жизни, имя которой Советский Союз.

Так, узнав о вашем скором прибытии на землю, которая отреклась от вас еще десять лет назад, — как от меня, в свою очередь, сегодня отрекаются две мои «родины» Румыния и Греция, как, возможно, от меня отречется завтра моя литературная родина, *буржуазно-реакционная* капиталистическая Франция, Франция смертоносных кредитов — я приветствую здесь Вас, Максим Горький, впервые с тех пор, как две наши судьбы соединили нас в глазах общества в единой борьбе за лучшее человечество и я желаю Вам долгих лет жизни и крепкого здоровья.

Ваш Панаит Истрати.

P.S. Если вы ответите мне, пожалуйста, отвечайте на русском языке. Я начинаю изучать ваш язык и постараюсь прочитать вас в оригинале. Я уже знаю, как спросить: хлев (sic!), чай, масло.

Вы едете сразу в Крым или сначала в Москву? И какого числа примерно?

К письму была приложена фотокарточка, которую Истрати подписал: «à Maxime Gorki avec très vieille admiration et foi révolutionnaire. Panaït Istrati. Jalta, 1928. [Максиму Горькому с давним восхищением и революционной верой. Панаит Истрати. Ялта, 1928]».

Это письмо ярко отражает характер «красного борца» Истрати: страстного, увлекающегося, искреннего в своих поисках социальной справедливости. Высказанное в письме желание остаться в СССР было известно советскому руководству. 18 января 1928 г. Горький из Сорренто писал Роллану: «Рассказывали мне, что Истрати понравилось в России, и он хочет остаться там жить» [6, с. 144]. Упомянутый Истрати факт его участия в международной компании, вызванной

осуждением событий «кровавого воскресенья» в России в защиту жертв репрессий, в числе которых оказался Горький, заключенный в Петропавловскую крепость, свидетельствует об активном участии молодого Истрати в революционном движении, несмотря на стихийность его социального протеста. «Люди сердца», к которым принадлежал и сам Истрати, разными путями приходили к осознанию борьбы за «лучшее человечество». Идеологически Истрати сложно было отнести к убежденным социалистам или коммунистам, он не интересовался революционными теориями, которые привели в ряды Коминтерна его будущих соавторов В. Сержа и Б. Суварина, его революционность была верой в возможность лучшей жизни, жизни без унижений, нищеты и страданий. В советской действительности он искал «живые свидетельства» этой «новой жизни». Этой верой в благородство природы человека («великие души») Истрати в свое время подкупил Роллана. В Отделе рукописей ИМЛИ РАН сохранились ранее неизвестные письма Р. Роллана сибирскому писателю Георгию Вяткину, в одном из которых (от 14 августа 1928 г.) Роллан характеризует Истрати как своего друга, творчество которого он ставит выше творчества современных ему писателей Запада. Особенно Роллан подчеркивает такие черты личности Истрати, как независимость и бесстрашие духа: «В следующем году, я надеюсь, вас посетит мой друг Панаит Истрати, который путешествует по советским республикам во всех направлениях. Вы наверняка знаете этого великого французского писателя (румыно-греческого происхождения), обладающего самым независимым и бесстрашным духом. Я восхищаюсь им больше всех ныне живущих писателей Запада и люблю его по-братски» [2, с. 269].

Ответа на свое письмо Истрати от Горького не получил, но надежда на встречу оправдалась. 29 мая 1928 г. на приеме в московском Госиздате в честь иностранных писателей Истрати впервые увидел Горького [11, с. 619]. На фотографии, сделанной в кабинете директора Госиздата А.Б. Халатова, во главе стола в центре запечатлены А.Б. Халатов, слева от него А. Барбюс, справа П. Истрати, С.М. Эйзенштейн, И.А. Груздев и др. [15, с. 499]. Возможно, встреч было две или три. В разных источниках упоминаются еще две встречи с Горьким: Истрати, как и Горький, присутствовал на выпуске учащихся курсов при Центральном доме крестьянина, а также посещал Горького на его даче в Горках⁹.

⁹ Встреча на подмосковной даче состоялась 25 июня 1928 г.; см.: Известия. 1928. 1 июля.

Истрати описал встречу с Горьким в заметке «От Ромэна Роллана к Максиму Горькому», опубликованной в газете «Известия»: «<...> когда мы пожали друг другу руки, от лица Максима Горького повеяло такой теплотой, которая мне напомнила взгляд Ромэна Роллана <...> Два ярких момента в моей жизни, десяток секунд, озаривших мое существование. Это так много для человека, который в свои 38 лет не ждал ничего больше ни от других, ни от себя <...> Казалось, что Ромэн Роллан незримо присутствует при этой встрече, — ведь он связал нас до знакомства, сравнив наши судьбы» [18].

Если личная встреча с Ролланом лишь укрепила веру Истрати в возможность их взаимопонимания, то встреча с Горьким стала большим разочарованием для обоих. Несмотря на хвалебный отзыв об этой встрече в газетной заметке, Истрати впоследствии в беседах и письмах к Роллану назвал Горького «сладким панегиристом»¹⁰ и «пашой из Сорренто»¹¹. Истрати ожидал увидеть Горького времен противостояния произволу большевиков, от которого «отреклась» его родина в 1921 г. А увидел другого Горького, перешедшего от критики советской власти к сотрудничеству со сталинским руководством. Откладывая свой приезд в СССР на протяжении ряда лет, в 1928 г. Горький принял приглашение посетить СССР в связи с пышным празднованием своего 60-летия. Образ Горького, народного защитника, борца за достоинство человека, Горького времен «Коновалова», хранившийся в сознании Истрати, не соответствовал реальному Горькому, который с пренебрежением отнесся к румынскому писателю. В письмах Роллану и Цвейгу Горький упоминал об Истрати в негативном контексте, то сравнивая с настырными американскими журналистами, то обвиняя в карьеризме. «В самом начале января 1929 года советский писатель, вспоминая встречу в Госиздате, нелестно отозвался об А. Барбюсе и П. Истрати как о людях, делающих себе “карьеру на игре в симпатию к Советам”. Истрати того

¹⁰ В феврале 1930 г. о деле арестованного анархиста Ф. Геци Роллан пишет в дневнике: «Я попросил Горького вмешаться в это дело. Он прислал в ответ несколько уклончивых строк о том, что “речь идет об анархисте и с этим ничего поделать нельзя”, а затем пустился в рассуждения, выдержанные в духе блаженно хвалебного оптимизма, о том, что происходит в Москве. Неприятно пораженный этим тоном, который так совпадает с тем, что рассказывал мне Истрати о превращении желчного Горького (Gorki Amer) в сладостно официального панегириста, — я написал ему снова...» [6, с. 425].

¹¹ В 1933 г. Истрати писал в связи с участием Роллана в «деле Виктора Сержа»: «Видимо, достаточно довольствоваться написанием статьи, отправкой письма паше в Сорренто, телеграммы саграпу в Москву, а затем поблагодарить их обоих за то, что они соизволили сообщить, что к Виктору Сержу “в тюрьме относятся с уважением”!» [21, р. 108].

хуже. С ними я имел “интимную” беседу и посмотрелся — не верю в искренность их отношения к советской власти» [12, с. 212; 18]. 27 ноября 1932 г. Горький писал Роллану: «Вероятно, А. Барбюс обижен моей нелюбезностью в отношении к нему. Каюсь, — я не могу преодолеть моей антипатии к нему. Она возникла у меня после первой встречи в 28 г., когда он пришел ко мне с Панаитом Истрати, возникла и крепко держится» [6, с. 244].

Помимо длительного путешествия по СССР в компании греческого писателя Н. Казандзакиса¹², в ходе которого Истрати соприкоснулся с бесправием и нищетой крестьян и рабочих в российской глубинке, большую роль в осмыслении советской реальности сыграло знакомство Истрати с Виктором Сержем (Кибальчичем), активным деятелем международного революционного движения, сотрудником Коминтерна, коммунистом, сторонником Троцкого, переводчиком произведений В.И. Ленина на французский язык. В 1927–1928 гг. Серж стал свидетелем разгрома троцкистской оппозиции, арестов старых большевиков, о чем он впоследствии написал в своей книге «Воспоминания революционера» [14]. Самого Сержа исключили из ВКП(б) как сторонника Троцкого уже в январе 1928 г., он был арестован 23 апреля и более месяца содержался в тюрьме на Шпалерной улице в Ленинграде. Его «политическая смерть» означала конец его переводческой и писательской деятельности в СССР. Подготовленный к изданию перевод на русский язык его книги «Люди в тюрьме» так не был опубликован. Истрати стал свидетелем драматических событий в семье Сержа, связанных с доносом соседки на его тестя рабочего А. Русакова. Вместе с Сержем они ходили к председателю ВЦИК М.И. Калинину, надеясь добиться справедливости по отношению к старому рабочему, потерявшему работу и лишенному средств к существованию только потому, что его соседка хотела заполучить его жилплощадь. В ходе беседы о судьбе его семьи Серж спросил у Калинина, «зачем нужны аресты оппозиционеров, противоречащие Конституции» [14, с. 308]. Его удивил ответ Калинина, заявившего, что все они обвиняются в антисоветской деятельности, не видя противоречия в том, что речь шла об основателях советского государства. В. Серж вспоминал:

Истрати уехал во Францию совершенно удрученный этими событиями. Вспоминаю его с волнением. Еще молодой, худой балканский

¹² Пребывание Истрати в СССР уже не раз становилось предметом специального исследования [7; 9; 10; 18]. За рубежом этой теме посвящено большое количество работ.

горец, скорее некрасивый, с большим острым носом, но такой живой, несмотря на туберкулез, так жаждущий жить! Ловец губок, моряк, контрабандист, бродяга, подручный каменщика, он побывал во всех портах Средиземноморья, прежде чем взяться за перо — и перерезать себе горло, чтобы покончить с этим. Его спас Ромен Роллан, на голову свалилась литературная слава и хорошие деньги, полученные за истории о гайдуках. Он писал, не имея ни малейшего представления о грамматике и стиле, но будучи прирожденным поэтом, всей душой влюбленным в несколько простых вещей: приключения, дружбу, бунт, плоть, кровь. Не способный на теоретические рассуждения и, следовательно, избавленный от опасности угодить в ловушку какого-нибудь ловкого софизма. При мне ему говорили: «Панаит, нельзя сделать омлет, не разбив яиц. Наша революция...» и т. д. Он восклицал: «Хорошо, я вижу разбитые яйца. Где ваш омлет?» У редакторов журналов, которые платили ему по сто рублей за статью, он резко спрашивал: «Правда ли, что в вашей стране почтальон зарабатывает пятьдесят рублей в месяц?» И добавлял: «Я не теоретик, но понимаю социализм совсем по-другому». По всякому поводу он раздражался пылким возмущением. Нужно было быть таким непокорным от природы, чтобы сопротивляться всем попыткам подкупа и покинуть СССР со словами: «Я напишу вдохновенную и мучительную книгу, в которой выскажу всю правду». Коммунистическая печать сразу же обвинила его в работе на румынскую сигуранцу. Он умер в Румынии, в бедности, всеми покинутый, полностью выбитый из колеи. Я же выжил отчасти благодаря ему [14, с. 337–338].

Действительно, когда арестованный 8 марта 1933 г. Виктор Серж был сослан на три года в Оренбург, Истрати активно включился в международную кампанию его защиты с требованием разрешить ему выезд из СССР¹³. Написанная Истрати «вдохновенная и мучительная книга» об СССР «Исповедь для побежденных: После шестнадцати месяцев в СССР» (*Après seize mois dans l'U.R.S.S.*) стала первым томом трилогии «К другому пламени» (*Vers l'autre flamme*) [20]. Собранные Сержем документы вошли во второй том трилогии «Советы в 1929 г.» (*Soviets 1929*). Эти два тома были дополнены третьим томом материалов советской прессы «Нагая Россия» (*La Russie nue*), предоставленных Б. Сувариним, о чем он рассказал позднее в своих воспоминаниях [16]. Авторство Сержа и Суварина не было указано в издании. В «Московском дневнике» (1935) Роллан упоминает о раз-

¹³ Серж был выслан из СССР 16 апреля 1936 г., все его личные архивы — переписка, неопубликованные рукописи, фотографии — были конфискованы.

говоре с Г.Г. Ягодой, в котором тот утверждает, что авторство Сержа не было секретом для ОГПУ / НКВД [13, № 4, с. 234]. В письме от 11 января 1930 г. Роллан пишет Мартине: «Я полностью разделяю Ваше мнение о томе Истрати в трилогии. Это возмутительно. Его том — самый опасный из трёх. Человек, называющий себя революционером, осмеливается нанести такой удар Революции. Вот дурак!» (BNF. Fonds M. Martinet. NAF 28352).

Из СССР Истрати пишет Роллану: «Я отказываюсь продолжать здесь свое пребывание, потому что моя комната с утра до вечера кричит мне о бедах советской жизни» [19, р. 297]. Роллану реакция Истрати кажется преувеличенной, он отговаривает его от публикации книги о своих впечатлениях от поездки в СССР: «Так давайте же поможем им, насколько мы еще можем им помочь! Ни в коем случае не давайте неосторожными словами и писаниями оружие реакционному сброду, вооруженному всеми средствами, чтобы убить его <СССР>» [19, р. 302]. Он просит Истрати показать что-то хорошее из того, что тот видел: ««Если есть что-то хорошее, что-то сильное, что-то новое, покажите нам это!» [19, р. 304]. Аргументы, приводимые Ролланом против публикации разоблачительной книги, в дальнейшем послужат ему самому, когда после поездки в СССР в 1935 г., уже после смерти Истрати, он закрывает в столе свой «Московский дневник» на 50 лет: «Это никоим образом не послужит русской революции, а скорее европейской реакции» [19, р. 320].

Несмотря на протесты своего учителя, Истрати не отказывается от публикации книги, что в конечном счете ставит их дружеские отношения на грань разрыва. После выхода книги Истрати в октябре 1929 г. Роллан не меняет своего мнения и на приводимые Истрати факты произвола партийных чиновников, эксплуатации рабочих и крестьян, их политического и экономического бесправия, подавления свободы слова, постоянного террора, массовых арестов и ссылок, нищеты масс отвечает: «Знайте, что вы присоединяетесь, вопреки себе, к делу разрушения надежд и идеалов в мире» [19, р. 335]. В письме от 28 октября 1929 г. Истрати высказывает Роллану свое удивление его позицией: вместо того чтобы защищать Революцию от ее могильщиков, Роллан стал «таким официально советским» [19, с. 339].

Однако в глубине души Роллан не был глух к тому, что говорил об СССР Истрати. В своем дневнике он отмечает: «Полтора года он вел изнурительную жизнь, путешествуя по России, подхватывая лихорадку, ишиас и все остальное, что можно найти на этой благословенной земле... Его разрушил, как он говорит, опыт, полученный

им в революционной России. Он потерял, по его словам, то, что давало ему жизнь: веру в революцию, саму веру в человека. Так что же осталось? Какой смысл писать, действовать, какой смысл жить? — Я боюсь, что этот человек, всегда искренний и страстный, но непоследовательный в своих мыслях и действиях, позволит вскоре втянуть себя в ряды злейших врагов русской революции. — И я бы это понял, зная его характер. Ничто из этого меня не удивляет» (BNF. Fonds R. Rolland. NAF 26566. P. 173–174).

При этом Роллан скрупулезно перечисляет в своем дневнике сообщенные ему Истрати факты. Об отношении Истрати к В. Сержу и его семейной драме Роллан пишет: «Этот гайдук Дружбы готов растоптать весь мир, чтобы защитить или отомстить за друга, которому угрожает опасность! Это очень красиво — но в эпосе или в романе. Мы не можем судить целый великий народ, весь режим, полуварварский и коррумпированный, но могущественный, который, несмотря ни на что, противостоит всем государствам на земле» [21, p. 105].

Не последнюю роль в разрыве отношений сыграло отрицательное мнение Истрати о М.П. Кудашевой, в тот момент занявшей прочное место в жизни Роллана [2, с. 376–396; 4]. Это становится ясно из письма Роллана Мартине от 10 апреля 1930 г.: «Истрати удалось перейти из моих рук в их. — Он действительно выскользнул <из моих рук>! Мы расстались. <...> Когда я сказал ему, что он волен думать о людях, что хочет, но я прошу его уважать, по крайней мере по отношению ко мне, тех, кого я уважаю и кого люблю, он удвоил свои яростные нападки. Теперь он будет кричать, что его критика СССР стала причиной нашего разрыва. Это не так. Я никогда не оспаривал его право свободно выражать свое мнение по политическим и социальным вопросам. Чего я никогда не потерплю, так это того, что он оскорбляет (и без всякой необходимости) людей, которые являются моими близкими друзьями и в чьей безупречной честности я уверен» (BNF. Fonds M. Martinet. NAF 28352). Отношение к М.П. Кудашевой, воспринятой в окружении Роллана как агент влияния Москвы, было негативным у многих друзей Роллана [23], но большинство из них не высказывали Роллану свое мнение открыто. Истрати же написал о ней в своей книге, о чем Роллан упоминает в дневнике (март–апрель 1930 г.): «Мучительный разрыв с Истрати. <...> Он подло оскорбил, в своем первом томе о России (*К другому пламени*), женщину, которую я люблю — зная, что она мне дорога — и на мое возмущенное письмо, все же оставляющее дверь для извинений открытой, которое я послал ему 7–8 марта, он

ответил удвоенными оскорблениями — более того, добавив жестокие оскорбления в адрес другого моего друга, Стефана Цвейга. — Ярываю отношения, с грустью. Очевидно, что Истрати хотел задеть меня через моих друзей» (BNF. Fonds R. Rolland. NAF 26567. P. 45–47). Эмоциональность высказываний Роллана («Я отказался с закрытыми глазами присоединиться к кампании, которую Истрати развязал против СССР. Я отказался подписаться под разрушительной акцией, в которой этот идиот сам был лишь орудием в руках яростных противников») (BNF. Fonds R. Rolland. NAF 26567. P. 45–47)) свидетельствует о том, что он сочувствовал Истрати и так и не смог перейти от любви к ненависти. В письме к Горькому 28 марта 1931 г. Роллан выгораживает Истрати, обвиняя Суварина в «злостном» влиянии на него: «Вы знаете, какую ожесточенную, коварную кампанию ведет против советского правительства социалистическая и коммунистическая оппозиция в Париже (с одной стороны, лагерь «Попюлер» с Леоном Блюмом, Розенфельдом и Лонге, — а с другой стороны, троцкисты, главарь которых очень упал в моих глазах из-за своего мелкого уязвленного тщеславия. У него есть своя газета “Верите”, есть также опасный Борис Суварин, наиболее злостный вдохновитель памфлетов Истрати)» [6, с. 185].

Борис Суварин (Лифшиц, 1895–1984) — выходец из России, французский коммунист-антисталинист, как и Серж, после Октябрьской революции приехал в СССР, чтобы работать в Коминтерне. Он поддержал Троцкого в 1924 г. и был исключен из Коминтерна, после чего вернулся во Францию. Сам Суварин так оценивал разразившийся скандал вокруг их трилогии: «Я ни в коей мере не оказывал влияния на Истрати, когда он писал свою книгу, в чем меня обвиняли сталинцы и троцкисты. Наоборот, я рассчитывал на эффект, который должны были произвести естественность, спонтанность, живость, характерные для стиля замечательного рассказчика. Я был свидетелем диффамаций и преследований, которым подвергался справа и слева до смерти в 1935 г. Истрати. Они омрачили последние годы жизни этого человека — такого доброго, щедрого, искреннего, эмоционального, чувствительного, похожего скорее на Дон Кихота, чем на Жиль Блаза» [17, с. 213].

Есть и еще одна характерная запись об Истрати в дневнике Роллана: «И самое ужасное для этого страстного человека: я сохранил свою независимость не только в политике, но и в привязанностях, — у меня есть другие друзья, не его и не одобряемые им, — я ими не жертвую для него. Ревность — это <ириб.> демон, которого он не признает, но который сочится из каждой поры этого дикого

балканского гайдука» (BNF. Fonds R. Rolland. NAF 26560. P. 45–47). Роллан признается, что возобновил переписку с Истрати незадолго до его смерти. Оказавшись в Москве в 1935 г. в доме Горького, Роллан избегает разговоров о своем друге: «Горький больше ценит болгар, чем румын. Называет произведения некоторых болгарских писателей. Но даже не упоминает ни одного произведения Истрати. Как о человеке он позднее говорил о нем с антипатией. Они встречались в Москве, и Горький сразу почувствовал неприязнь к Истрати, который, я полагаю, ответил ему тем же. — Но я избегаю говорить об Истрати во время моего пребывания в СССР. Он недавно умер, и мне было бы мучительно слышать суровые суждения о нем, хотя — увы! — его безумное поведение давало к тому основания» [13, № 3, с. 236].

Книга Истрати поставила его в положение изгоя в среде левой французской интеллигенции. Его друзья — социалисты и коммунисты — присоединились к сталинской кампании по дискредитации своего бывшего единомышленника (Ф. Журден, Ж.-Р. Блок, Ш. Вильдрак, А. Барбюс, П. Низан, В. Познер и др.). Противостояние Истрати французской левой продолжалось вплоть до смерти писателя.

Новые факты взаимоотношений Роллана и Истрати, история их дружбы и разрыва, воссозданная на основе недавно опубликованной переписки писателей, а также письмо Истрати Горькому являются важными свидетельствами сложных литературно-политических взаимодействий советской и западноевропейской культур в 1920–1930-е гг. «Советизация» Роллана, происходившая на фоне его размежевания с писателями русской эмиграции в 1927–1928 гг., ярко проявилась в истории с публикацией книги Истрати. Роллан, как и Горький, и не без влияния Горького, перешел от критики внутренней политики советских вождей к сотрудничеству с ними. Нежелание дать моральную оценку происходившей в СССР социальной драме привело к размыванию нравственных ориентиров их творчества в эти годы. «Московский дневник» Роллана, опубликованный спустя полвека после его написания, не имел общественного резонанса, который он, несомненно, получил бы, будь опубликован раньше. Запечатлеть советскую реальность Роллану удалось с не меньшей пронизательностью, чем П. Истрати или А. Жиду, но современники не прочитали его свидетельства. На фоне конформизма писателей старшего поколения, кумиров его молодости, Истрати удалось, при всей спорности и неровности его творчества, выразить собственный оригинальный взгляд на происходивший в СССР социальный эксперимент и оставить яркий след в литературе 1920–1930-х гг.

Литература

1. *Анисимов И.* Панаит Истрати // Красная новь. 1928. № 2. С. 221–219.
2. *Ариас-Вихиль М.А.* Буревестник versus Альбатрос. Французский контекст творчества Максима Горького. М.: А Темп, 2018. 534 с.
3. *Ариас-Вихиль М.А.* Неизвестные письма Р. Роллана сибирскому писателю Г. Вяткину (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Вып. 3. С. 260–283.
4. *Ариас-Вихиль М.А.* «Дело Виктора Сержа» в письмах М.П. Кудашевой-Роллан (по материалам архива А.М. Горького) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 6. С. 48–51.
5. *Ариас-Вихиль М.А.* Письма И.С. Шмелева Р. Роллану (по материалам Фонда Р. Роллана Национальной библиотеки Франции) // И.С. Шмелев и писатели русского зарубежья. Симферополь: Антиква, 2018. С. 217–228.
6. Архив А.М. Горького. М.: Наследие, 1996. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). 543 с.
7. *Виноградова А.С.* «К другому пламени» (1929): самокритика трех «ренегатов» (П. Истрати, В. Серж, Б. Суварин) / Monographic. Научные статьи историков, ученых, исследователей URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/monographic/k-drugomu-plameni-1929-samokritika-trekh-renegatov-panait-istrati-viktor-serzh-boris-suvarin.html> (дата обращения: 04.03.2024).
8. *Истрати П.* Исповедь для побежденных: После шестнадцати месяцев в СССР. СПб.: Нестор-История, 2023. 304 с.
9. *Легенькова Е.А.* Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элены Самиос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 110–120.
10. *Легенькова Е.А., Тайманова Т.С.* Кто автор «Обнаженной России»? // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 147–156.
11. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3. 767 с.
12. *Перхин В.В.* М. Горький и власть // Русская литература. № 2. 2011. С. 203–214.
13. *Роллан Р.* Московский дневник // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 190–246; № 4. С. 219–254; № 5. С. 151–190.
14. *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург: НПЦ «Праксис»; Оренбургская книга, 2001. 696 с.
15. Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 694 с.
16. *Суварин Б.* Панаит Истрати и коммунизм // Континент. 1981. № 28. С. 221–245.
17. *Суварин Б.* Панаит Истрати и коммунизм. Окончание // Континент. 1981. № 29. С. 209–222.

18. Харитонова Н.Ю. От революционера к ренегату. Трансформация образа Панаита Истрати в центральной советской печати конца двадцатых – начала тридцатых годов // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. С. 20–30.

19. Cahiers P. Istrati. Panaït Istrati — Romain Rolland. Correspondance (1919–1935). [S. l.]: Impressions modernes Saint Etienne, 1987. № 2–3–4. 432 p.

20. *Istrati P. Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U.R.S.S.* Paris: Rieder, 1929. Vol. 1. 284 p.

21. Panaït Istrati, Romain Rolland. Correspondance (1919–1935) / éd. de D. Lérault et J. Rièrè. Paris: Gallimard, 2019. 656 p.

22. *Rolland R. Un Gorki balkanique* // Europe. 1923. № 7. P. 257–259.

23. *Rolland R. Voyage à Moscou (juin–juillet 1935), suivi de Notes complémentaires (octobre–décembre 1938)* / éd. B. Duchatelet. Paris: Albin Michel, 1992. Cahier 29. 363 p.

24. *Toma D. Panaït Istrati de A à Z.* Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 235 p.

Research Article
and Publication of Archival Documents

Istrati, Rolland, Gorky: The New Facts of Soviet-French Literary Interactions of the 1920s–1930s

© 2024. Marina A. Arias-Vikhil

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393, “Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, 20th Century” (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>).

Abstract: The article analyzes the “Istrati case,” one of the most expressive travelers to the Land of the Soviets. The little-known and unpublished materials from the writers’ personal archives used in the study demonstrate a turning point in the evolution of the socio-political views of Rolland and Gorky. In 1928, both of them moved on from criticism of the internal policies of the Soviet leadership to cooperation with the Stalinist regime. Rolland dissociates himself from the writers of the Russian emigration and sends congratulations to the Soviet people on the 10th anniversary of the October Revolution; Gorky travels to the USSR after a seven-year absence. A kind of trigger in these conditions was the story of the Romanian writer P. Istrati, who came to the USSR to celebrate the 10th anniversary of the October Revolution and was determined to stay in the country of the “red fighters” forever, as evidenced by his letter to Gorky. However, after staying in the USSR for more than a year and plunging into the everyday life of Soviet people, shaken by social and personal dramas

caused by the arbitrariness of the authorities, against the backdrop of mass repression and the absence of any freedom, Istrati lost faith in the possibility of revolutionary transformations of society based on justice. In the history of Istrati's interaction with his literary idols, new trends emerged that determined their social behavior: Gorky turned from the author of "Kononov" (1897) into a "sweet panegyrist," into a "pasha from Sorrento." Rolland was ready to turn a blind eye to any abuses by the Soviet authorities for the sake of "defending the USSR." The "untimely" decision to publish the book "To Another Flame" (1929) about his impressions of his stay in the USSR cost Rolland the friendship and recognition of the socialist writers from his circle.

Keywords: Istrati, Rolland, Gorky, V. Serge, B. Souvarine, Soviet-French literary connections of the 1920s–1930s, "To Another Flame" (1929), "Moscow Diary" (1935), travel to the USSR.

Information about the author: Marina A. Arias-Vikhil, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

For citation: Arias-Vikhil, M.A. "Istrati, Rolland, Gorky: The New Facts of Soviet-French Literary Interactions of the 1920s–1930s." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 308–332. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-308-332>

References

1. Anisimov, I. "Panait Istrati" ["Panait Istrati"]. *Krasnaia nov'*, no. 2, 1928, pp. 221–219. (In Russ.)
2. Arias-Vikhil', M.A. *Burevestnik versus Al'batros. Frantsuzskii kontekst tvorchestva Maksima Gor'kogo* [Petrel Versus Albatross. The French Context of Maxim Gorky's Work]. Moscow, A Temp Publ., 2018. 534 p. (In Russ.)
3. Arias-Vikhil', M.A. "Neizvestnye pis'ma R. Rollana sibirskomu pisatelyu G. Vyatkinu (po materialam Otdela rukopisej IMLI RAN)" ["Unknown Letters from R. Rolland to the Siberian Writer G. Vyatkin (Based on Materials from the Manuscript Department of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences)"]. *Codex manuscriptus* [Codex Manuscriptus], issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 260–283. (In Russ.)
4. Arias-Vikhil', M.A. "'Delo Viktora Serzha' v pis'makh M.P. Kudashevoi-Rollan (po materialam arkhiva A.M. Gor'kogo)" ["'The Case of Victor Serge' in the Letters of M.P. Kudasheva-Rolland (Based on Materials from the A.M. Gorky Archive)"]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, vol. 76, no. 6, 2017, pp. 48–51. (In Russ.)
5. Arias-Vikhil', M.A. "Pis'ma I.S. Shmeleva R. Rollanu (po materialam Fonda R. Rollana Natsional'noi biblioteki Frantsii)" ["Letters from I.S. Shmelev to R. Rolland (Based on Materials from the R. Rolland Collection of the National Library of France)"]. *I.S. Shmelev i pisateli russkogo zarubezh'ia* [I.S. Shmelev and Writers of Russian Emigration]. Simferopol, Antikva Publ., 2018, pp. 217–228. (In Russ.)
6. *Arkhiv A.M. Gor'kogo* [A.M. Gorky Archive], vol. 15: M. Gor'kii i R. Rollan. Perepiska (1916–1936) [M. Gorky and R. Rolland. Correspondence (1916–1936)]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 543 p. (In Russ.)

7. Vinogradova, A.S. “‘K drugomu plameni’ (1929): samokritika trekh ‘renegatov’ (P. Istrati, V. Serzh, B. Suvarin)” [“‘To Another Flame’ (1929): Self-Criticism of Three ‘Renegades’ (P. Istrati, V. Serge, B. Souvarine)”. *Monographic. Nauchnye stat’i istorikov, uchenykh, issledovatelei* [Monographic. Scientific Articles by Historians, Scientists, Researchers]. Available at: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/monographic/k-drugomu-plameni-1929-samokritika-trekh-renegatov-panait-istrati-viktor-serzh-boris-suvarin.html> (Accessed 04 March 2024). (In Russ.)
8. Istrati, P. *Ispoved’ dlia pobezhdennykh: Posle shestnadsati mesiatsev v SSSR* [Confession for the Vanquished: After 16 Months in the USSR]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2023. 304 p. (In Russ.)
9. Legen’kova, E.A. “Puteshestvie v Rossiiu 1928 g. glazami Eleni Samios-Kazantzakis: v zashchitu Panaita Istrati” [“Travel to Russia in 1928 Through the Eyes of Eleni Samios-Kazantzakis: In Defense of Panait Istrati”]. *Noveishaia istoriia Rossii*, no. 3, 2015, pp. 110–120. (In Russ.)
10. Legen’kova, E.A., and T.S. Taimanova. “Kto avtor ‘Obnazhennoi Rossii?’” [“Who Is the Author of ‘Naked Russia?’”]. *Noveishaia istoriia Rossii*, no. 3, 2012, pp. 147–156. (In Russ.)
11. *Letopis’ zhizni i tvorchestva A.M. Gor’kogo* [Chronicle of A.M. Gorky’s Life and Work], vol. 3. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959. 767 p. (In Russ.)
12. Perkhin, V.V. “M. Gor’kii i vlast’” [“M. Gorky and Power”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2011, pp. 203–214. (In Russ.)
13. Rollan, R. “Moskovskii dnevnik” [“Moscow Diary”]. *Voprosy literatury*, no. 3–5, 1989, pp. 190–246, 219–254, 151–190. (In Russ.)
14. Serzh, V. *Ot revoliutsii k totalitarizmu: Vospominaniia revoliutsionera* [From Revolution to Totalitarianism: Memoirs of a Revolutionary]. Moscow, Orenburg, Praksis Publ., Orenburgskaia kniga Publ., 2001. 696 p. (In Russ.)
15. *Sovremenniki A.M. Gor’kogo. Fotodokumenty. Opisaniie* [Contemporaries of A.M. Gorky. Photo Documents. Description]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 694 p. (In Russ.)
16. Suvarin, B. “Panait Istrati i kommunizm” [“Panait Istrati and Communism”]. *Kontinent*, no. 28, 1981, p. 221–245. (In Russ.)
17. Suvarin, B. “Panait Istrati i kommunizm. Okonchanie” [“Panait Istrati and Communism. The End”]. *Kontinent*, no. 29, 1981, pp. 209–222. (In Russ.)
18. Kharitonova, N.Iu. “Ot revoliutsionera k renegatu. Transformatsiia obraza Panaita Istrati v tsentral’noi sovetskoi pečati kontsa dvadtsatykh – nachala tridtsatykh godov” [“From Revolutionary to Renegade. Transformation of the Image of Panait Istrati in the Central Soviet Press of the Late 20s – Early 30s”]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, no. 10, 2015, pp. 20–30. (In Russ.)
19. *Cahiers P. Istrati. Panait Istrati — Romain Rolland. Correspondance (1919–1935)*, nu. 2–3–4. [S. I.], Impressions modernes Saint Etienne, 1987. 432 p. (In French)
20. Istrati, Panait. *Vers l’autre flamme: Après seize mois dans l’U.R.S.S.*, vol. 1. Paris, Rieder, 1929. 284 p. (In French)

21. Lérault, Daniel, et Jean Rièrè, éditeurs. *Panaït Istrati, Romain Rolland. Correspondance (1919–1935)*. Paris, Gallimard, 2019. 656 p. (In French)
22. Rolland, Romain. “Un Gorki balkanique.” *Europe*, nu. 7, 1923, pp. 257–259. (In French)
23. Rolland, Romain. *Voyage à Moscou (juin–juillet 1935), suivi de Notes complémentaires (octobre–décembre 1938)*, cahier 29, éd. B. Duchatelet. Paris, Albin Michel, 1992. 363 p. (In French)
24. Toma, Dolores. *Panaït Istrati de A à Z*. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2014, pp. 206–213. (In French)

Статья поступила в редакцию: 04.06.2024
Одобрена после рецензирования: 28.06.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 04.06.2024
Approved after reviewing: 28.06.2024
Date of publication: 25.09.2024